

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»

город Санкт-Петербург

15 мая 2012 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.Н.Кокотова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю.,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации граждане Ч.П. и Ч.Ю. оспаривают конституционность пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации в части, определяющей порядок записи в книге записей рождений родителей ребенка, рожденного в результате применения такой вспомогательной репродуктивной технологии, как суррогатное материнство, и пункта 5 статьи 16 Федерального закона от

15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», устанавливающего требование о необходимости представления при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, документа, выданного медицинской организацией и подтверждающего факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка.

Как следует из представленных материалов, 8 февраля 2010 года между супругами Ч. – генетическими родителями и гражданкой Р. был заключен договор об оказании услуг суррогатного материнства, согласно которому суррогатная мать после имплантации ей эмбриона, полученного путем экстракорпорального оплодотворения половых клеток генетических родителей, в случае наступления беременности принимает на себя обязательства по вынашиванию, родоразрешению и передаче рожденного ребенка генетическим родителям.

19 февраля 2010 года беременность Р. была подтверждена клинически. 15 июня 2010 года она забрала из клиники свое заявление на участие в программе суррогатного материнства, оставив расписку в его получении, 4 ноября 2010 года родила ребенка, а 14 декабря 2010 года по ее заявлению органами записи актов гражданского состояния была произведена запись о рождении ребенка, матерью которого записана Р., а отцом – ее бывший супруг с его согласия.

Решением суда общей юрисдикции от 11 марта 2011 года, оставленным без изменения судом кассационной инстанции (определение от 19 апреля 2011 года), в удовлетворении требований заявителей к Р. и ее бывшему супругу об установлении факта происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, аннулировании записи акта о рождении ребенка, обязанности не чинить препятствий в регистрации истцов в качестве родителей ребенка было отказано на том основании, что суррогатная мать (ответчица) не давала согласия на запись истцов – генетических родителей в книге записей рождений в качестве родителей рожденного ею ребенка. Судьи

областного и Верховного Суда Российской Федерации отказали в передаче надзорных жалоб в соответствующие надзорные инстанции.

По мнению заявителей, положения пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» противоречат статьям 19 и 38 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, поскольку допускают возможность регистрации генетических родителей в книге записей рождений в качестве родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, исключительно при наличии ее согласия на совершение такой записи.

2. В Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (статьи 1, 2, 17 и 18 Конституции Российской Федерации).

Согласно Конституции Российской Федерации достоинство личности охраняется государством (статья 21, часть 1); семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1); забота о детях, их воспитание – право и обязанность родителей (статья 38, часть 2); каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41, часть 1); ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

В соответствии с Декларацией прав ребенка от 20 ноября 1959 года, предусматривающей, что ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения, Конвенция о правах ребенка

от 20 ноября 1989 года, являющаяся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, обязывает государства-участники обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (пункт 2 статьи 3), и принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления (пункт 1 статьи 19).

Европейский Суд по правам человека применительно к статье 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод указывал, что национальные власти обязаны соблюдать справедливый баланс между конкурирующими интересами и при определении такого баланса особое значение придавать коренным интересам ребенка, которые в зависимости от их характера и важности могут иметь приоритет над аналогичными интересами родителей (например, решение от 24 ноября 2005 года по вопросу приемлемости жалобы № 16153/03 «Владимир Лазарев и Павел Лазарев против России»).

Семейное законодательство, конкретизируя положения Конституции Российской Федерации и актов международного права, как следует из статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации, исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (пункт 1); регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (пункт 3);

запрещаются любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; права граждан в семье могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан (пункт 4).

В соответствии со статьей 7 Семейного кодекса Российской Федерации граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений (семейными правами), в том числе правом на защиту этих прав, если иное не установлено Семейным кодексом Российской Федерации; осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан (пункт 1); семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав (пункт 2).

Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства, детства, направленная в том числе на повышение уровня рождаемости, предполагает наличие правовых механизмов, которые обеспечивали бы институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики Российской Федерации на конкретно-историческом этапе, а также уровню экономического развития и финансовым возможностям государства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2011 года № 28-П).

3. Значимым средством обеспечения интересов семьи, материнства, отцовства, детства, как и конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, являются в настоящее время вспомогательные репродуктивные технологии – методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма, в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых

клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства; порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (части 1 и 2 статьи 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Осуществляя на основе предписаний статей 7, 38 (часть 1) и 41 (часть 1) Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств Российской Федерации правовое регулирование в сфере использования репродуктивных технологий, включая суррогатное материнство (статья 71, пункты «в», «о»; статья 72, пункты «б», «ж», «к» части 1, Конституции Российской Федерации), законодатель обладает широкой свободой усмотрения в выборе мер защиты здоровья граждан, семьи, материнства, отцовства и детства и определении условий и порядка их предоставления. Вместе с тем он связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона.

Суррогатное материнство, согласно статье 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям (часть 9); суррогатной матерью может быть женщина в возрасте от двадцати до

тридцати пяти лет, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья, давшая письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство; женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга; суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки (часть 10).

Инструкция по применению методов вспомогательных репродуктивных технологий, утвержденная приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26 февраля 2003 года № 67 (зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 24 апреля 2003 года № 4452), закрепляющая порядок участия генетических родителей и суррогатной матери в программе «суррогатное материнство», предусматривает, в частности, обязательное наличие их письменного информированного согласия на участие в этой программе, а также медицинские показания к суррогатному материнству и требования, которым должна отвечать суррогатная мать.

Государственная регистрация рождения ребенка, выношенного суррогатной матерью, осуществляется в общем порядке с особенностями, закрепленными оспариваемыми заявителями положениями. Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации лица, состоящие в браке между собой и давшие согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). В силу пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный

медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка.

Законодательно предусмотренное право суррогатной матери давать согласие на то, чтобы при государственной регистрации рождения ребенка его родителями были записаны генетические родители, означает имеющуюся у нее возможность в записи акта о рождении ребенка записать себя матерью ребенка, что фиксируется и в свидетельстве о его рождении (статьи 14, 17 и 23 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»), обуславливая тем самым для женщины, родившей ребенка, права и обязанности матери (статья 47 Семейного кодекса Российской Федерации). Указанная модель правового регулирования, не будучи единственно возможной, не выходит за пределы правотворческих полномочий федерального законодателя.

4. Таким образом, оспариваемые заявителями законоположения их конституционные права в указанном ими аспекте не нарушают, а потому их жалоба, как не отвечающая требованиям допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, закрепленным в статьях 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Проверка же законности и обоснованности судебных решений, вынесенных по делу заявителей, не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации (статья 125 Конституции Российской Федерации и статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю., поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 880-О

Мнение

судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.Д.Князева

Проголосовав против принятия Конституционным Судом Российской Федерации Определения от 15 мая 2012 года № 880-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», считаю необходимым объяснить свою позицию по вопросу, поднятому заявителями.

Согласно Конституции Российской Федерации, объявившей Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в Российской Федерации гарантируется государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; материнство и детство, семья находятся под защитой государства; забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (статья 7; статья 38, части 1 и 2). Во взаимосвязи с положениями статей 17 (часть 1), 21 (часть 1) и 72 (пункт «ж» части 1) Конституции Российской Федерации это означает, что, определяя правовые параметры социальной политики в сфере

защиты семьи, материнства, отцовства и детства, законодательная власть обязана заботиться о том, чтобы осуществление прав и свобод человека и гражданина не приводило к нарушению прав и свобод других лиц, и не допускать умаления достоинства личности, охраняемого государством.

Соответствие положений пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» упомянутым конституционным требованиям вызывает большие сомнения. По сути, закрепляя исключительную прерогативу суррогатной матери в разрешении вопроса о наделении генетических (биологических) родителей материнскими и отцовскими правами, законодатель остается безучастным к интересам лиц, чьи половые клетки использовались для оплодотворения женщины, вынашивающей плод. Тем самым создается легальная почва для нарушения баланса конституционных ценностей и умаления прав и законных интересов не только генетических родителей, но и ребенка, рожденного в результате применения соответствующей вспомогательной репродуктивной технологии.

С медико-биологической точки зрения рождение ребенка с использованием указанной технологии предполагает «соучастие» генетических родителей и суррогатной матери. Вследствие этого сами по себе вынашивание и роды не могут служить достаточным основанием признания за последней неограниченной свободы усмотрения в определении обладателей родительских прав. Очевидно, что отказ суррогатной матери от исполнения своих обязательств перед лицами, являющимися биологическими родителями ребенка, не может перечеркнуть их «природных» прав.

Следует принять во внимание и то обстоятельство, что целью суррогатного материнства как метода лечения бесплодия является предоставление состоящим в браке мужчине и женщине, которые не в силах самостоятельно реализовать репродуктивные права, возможности стать родителями своего генетического ребенка. В этой связи неминуемо возникает вопрос о том, насколько избранный законодателем вариант правового

регулирования, снимающий, по мнению многих экспертов, в интересах детей даже потенциальную возможность споров по поводу прав на ребенка между суррогатной матерью и генетическими родителями, соответствует целевому предназначению института суррогатного материнства.

Не отрицая того, что вынашивание плода неизбежно порождает кровную связь между ребенком и суррогатной матерью, все же важно учитывать, что изначальной основой жизни рожденного таким образом человека является эмбрион, полученный путем экстракорпорального оплодотворения половых клеток генетических родителей. В силу этого безусловный приоритет родительских притязаний суррогатной матери далеко не бесспорен и, по крайней мере, нуждается в оценке на предмет соответствия статье 38 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, в том числе во взаимосвязи с ее статьей 19 (части 1 и 2).

Защита и государственная поддержка материнства, отцовства и детства увязывается Конституцией Российской Федерации с приоритетами интересов семьи. И это понятно, так как только в семье создаются наилучшие условия для реализации прав и законных интересов родителей и детей. Понятно также и то, что наиболее благоприятной для психофизиологического комфорта семейного общежития, в особенности исходя из интересов ребенка, является полная семья. Вследствие этого трудно, если последовательно руководствоваться упоминавшимися конституционными нормами, тем более понять, почему, разрешая прибегать к услугам суррогатных матерей лишь лицам, состоящим в браке, закон абсолютно безучастно относится к тому, что решение суррогатной матери относительно юридического определения родителей ребенка во всех случаях является окончательным, даже если его следствием будет воспитание ребенка в неполной семье. Это тем более существенно потому, что согласно пункту 10 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» на роль суррогатной матери может претендовать только женщина, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка.

В результате могут серьезно пострадать интересы «суррогатного» ребенка, который благодаря законодательной «заботе» о приоритетах выносившей и родившей его матери не только лишается возможности воспитываться в семье своих генетических родителей, но и объективно подвергается риску стать «безотцовщиной» и, как следствие, не получить родительской любви в той степени, в какой она могла бы достаться ему от биологических матери и отца. Все это заставляет серьезно задуматься об этических основаниях оспариваемых законоположений, а также о том, насколько они согласуются со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина (включая права родителей и детей) могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Уместно будет напомнить и о Конвенции ООН о правах ребенка, согласно которой во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются ли они учреждениями, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка (пункт 1 статьи 3). К сожалению, веские основания утверждать, что отечественный законодатель следует данным конвенционным требованиям, являющимся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью российской правовой системы, в ситуации с суррогатным материнством отсутствуют.

Особо следует сказать и о защите конституционных интересов генетических отцов. В самом деле, как бы цинично это ни выглядело, когда речь идет о «конкуренции» материнских прав, она действительно имеет объективные предпосылки. Однако применительно к отцовству ребенка, рожденного суррогатной матерью, да еще к тому же не состоящей в браке (как это и имело место в деле заявителей), лишение генетического отца родительских прав исключительно «по прихоти» суррогатной матери

оставляет открытым целый ряд вопросов. По понятным причинам наибольшее беспокойство среди них вызывает проблема соответствия избранного отечественным законодателем подхода требованиям статей 19 (часть 3) и 38 (часть 2) Конституции Российской Федерации, гарантирующих равенство родительских прав и обязанностей мужчин и женщин и равные возможности для их реализации.

Изложенное свидетельствует, что положения пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», как допускающие возможность регистрации генетических родителей в книге записи рождения в качестве родителей ребенка, рожденного суррогатной матерью, только при наличии ее согласия на совершение такой записи, обнаруживают неопределенность в вопросе их соответствия Конституции Российской Федерации, ее статьям 7, 15 (часть 4), 19, 38 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), поскольку не обеспечивают возможность сбалансированного учета интересов ребенка, генетических родителей, суррогатной матери и членов ее семьи.

Конечно, разрешение поднятого в жалобе граждан Ч.П. и Ч.Ю. вопроса крайне затруднительно без оценки конституционности института суррогатного материнства в целом, особенно с учетом того, что на юридической карте мира усилиями национальных парламентов и органов конституционной юстиции уже зафиксировано принципиально противоположенное отношение к суррогатному материнству – от полного неприятия до его ограниченного либо полного признания в том или ином национальном формате. Понятно также, что перечень потенциально возможных претензий к наличному законодательному оформлению данного института в Российской Федерации вовсе не исчерпывается теми, что обозначены в жалобе.

При таких обстоятельствах перед Конституционным Судом России заявителями фактически поставлена задача, не касаясь исследования существа и значения суррогатного материнства, снять (или подтвердить) подозрения относительно неконституционности отдельно взятого его

аспекта. Очевидно, что сделать это (независимо от результата) и вместе с тем, пусть даже косвенно, не засвидетельствовать «толерантное» отношение к соответствующей вспомогательной репродуктивной технологии чрезвычайно затруднительно. Однако, несмотря на возможность подобного рода издержек, Конституционный Суд все-таки не должен был отказывать заявителям в принятии их обращения к рассмотрению.

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации

Г.А.Гаджиева

Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю., посчитав, что жалоба является недопустимой.

1. В своей жалобе заявители просили признать неконституционными пункт 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации в части, определяющей порядок записи в книге записей рождений родителей ребенка, рожденного в результате применения такой вспомогательной репродуктивной технологии, как суррогатное материнство, и пункт 5 статьи 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», устанавливающий требование о необходимости представления при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, документа, выданного медицинской организацией и подтверждающего факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка.

Суды общей юрисдикции отказали в удовлетворении требований заявителей на том основании, что суррогатная мать не давала согласия на запись истцов – генетических родителей в книге записей рождений в качестве родителей рожденного ею ребенка.

2. Основанием к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые нормы (статья 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Согласно пункту 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери).

По условиям договора, заключенного между генетическими родителями и суррогатной матерью, в случае наступления беременности последняя обязалась взять на себя ряд обязательств, в частности обязательство по вынашиванию, родоразрешению и передаче рожденного ребенка его генетическим родителям, а также после рождения ребенка дать письменное согласие на запись генетических родителей в качестве родителей рожденного ею ребенка с целью регистрации рождения и на протяжении всего жизненного срока не встречаться с ребенком, появившимся в результате данного договора. Пользуясь предоставленным пунктом 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации правом оставить ребенка себе, суррогатная мать не выполнила условие договора по передаче ребенка супругам. Руководствуясь нормами главы 39 «Возмездное оказание услуг» ГК Российской Федерации, следует признать такие действия отказом от исполнения обязательств, который влечет обязанность суррогатной матери возместить супругам-заказчикам все понесенные по договору расходы, а также обязанность компенсации морального вреда как меры гражданско-правовой ответственности (статья 151 того же Кодекса). Но такая позиция противоречит принципу биоэтики, закрепленному в статье 21 Конвенции о правах человека и биомедицине, которая устанавливает запрет на коммерциализацию тела человека и его частей («тело человека и его части не

должны в качестве таковых являться источником получения финансовой выгоды»).

Кроме того, согласно принципу 15, изложенному в докладе Специального экспертного комитета Совета Европы по биологической этике и искусственным методам деторождения 1989 года, государства могут в исключительных случаях, установленных в национальном законодательстве, разрешить медицинскому работнику или учреждению произвести искусственное оплодотворение суррогатной матери при условии, что она не получает материальной выгоды от данной операции и имеет право после родов оставить ребенка себе. Тем самым обстоятельства дела усугублены тем, что в нарушение принципа биоэтики суррогатная мать прикрывается принципом свободы договора. Сомнителен и довод о том, что в своем договоре стороны вправе предусмотреть, что суррогатная мать в случае отказа ею генетическим родителям в даче согласия на запись их в качестве родителей ребенка в соответствии с действующим законодательством возвращает им выплаченный ей в счет компенсации аванс, а также понесенные ими в рамках договора расходы и реальные убытки.

3. Семейное законодательство, закрепляя приоритет в решении вопроса об установлении юридических отношений между родителями и ребенком за суррогатной матерью, порождает проблему обеспечения баланса прав и интересов генетических родителей и суррогатной матери. В связи с этим возникает и другая проблема: нужно ли в этом балансе интересов учитывать интересы ребенка?

Согласно статье 3 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года государства-участники обязаны обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону.

Европейский Суд по правам человека применительно к истолкованию статьи 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод указал, что национальные власти

обязаны обеспечивать соблюдение справедливого баланса между конкурирующими интересами и при определении баланса особое значение придавать коренным интересам ребенка, которые в зависимости от их характера и важности могут иметь приоритет над аналогичными интересами родителей. Это закреплено и в Семейном кодексе Российской Федерации, который исходит из того, что регулирование семейных отношений осуществляется в том числе в соответствии с принципом обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи (пункт 3 статьи 1).

В соответствии с приказом Минздрава России от 26 февраля 2003 года № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» одним из способов решения проблемы бесплодия семейной пары является имплантация эмбриона другой женщине (суррогатной матери). Цель суррогатного материнства как метода лечения бесплодия – рождение ребенка у пары, на лечение которой был направлен данный метод. Следовательно, закрепление законодателем императивной нормы, касающейся предоставления суррогатной матери исключительной привилегии в решении вопроса о наделении родительскими правами, является не бесспорным. Такой подход ведет к нарушению прав генетических родителей и не обеспечивает соблюдение конституционных принципов правовой определенности, справедливости и равенства.

4. Спорным остается вопрос о толковании понятия «мать ребенка». Является ли суррогатная мать матерью в конституционном смысле, т.е. в рамках статьи 38 Конституции Российской Федерации, которая предполагает защиту материнства. Пункт 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункт 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» определяют ее статус как «женщины, родившей ребенка», но не матери. В связи с этим возникает неясность в вопросах: когда суррогатная мать становится матерью и какими являются отношения, возникающие между матерью и ребенком в период беременности?

У суррогатной матери в процессе вынашивания ребенка возникает естественное чувство материнства. Это определенный биологический порядок, порождающий естественно-правовой инстинкт материнства. Переход от биологического порядка к правовому выявляется в отношениях матери и ребенка. И если признать это право матери, которая знает, что такое инстинкт материнства, правопорядок не будет вступать в конфликт с естественным биологическим порядком, так как мы признаем тот факт, что между матерью и ребенком в процессе вынашивания появляется особая биологическая и психическая связь.

Поскольку в законодательстве отсутствует четкое определение понятия «мать», российский законодатель придерживается той позиции, что важнейшим основанием возникновения родительских прав является беременность. Такой подход базируется на гестационной теории, которая ведет свое происхождение еще из римского права, где существовал принцип «*mater est quam gestation demonstrat*» («мать определяется беременностью»). Тот же смысл вкладывает законодатель в пункт 1 статьи 48 Семейного кодекса Российской Федерации, указывая, что происхождение ребенка от матери устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинском учреждении.

С точки зрения медицины, происхождение человека определяется путем установления тождества генов. Но в данном случае речь идет не о происхождении человека с медицинской точки зрения, а о возникновении родительских прав по отношению к ребенку. Тогда возникает вопрос: достаточен ли факт генетического родства ребенка для приобретения родительских прав? С одной стороны, гены ребенка совпадают с генами супругов, а с другой стороны, весь биологический материал, из которого формируется организм ребенка (питательные вещества, которые в течение девяти месяцев потребляет организм), предоставляет суррогатная мать. Чей же «вклад» более весом?¹

¹ Кокорин А.П. К вопросу о получении согласия суррогатной матери на запись родителями ребенка супругов, предоставивших свой генетический материал. (Здесь же см. и приведенные ниже цитаты.)

Законодатель, отвечая на этот вопрос, признает «факт вынашивания или рождения более социально и эмоционально значимым, чем генетическое происхождение». Кроме того, «нравственные страдания биологических родителей ребенка, лишенных возможности реализовать предусмотренный законом комплекс родительских прав в отношении своего ребенка, которого они не смогли зачать и родить естественным путем, считаются менее социально значимыми». Но существует и другое мнение, что биологическое родство родителей и детей определяется генетической связью и закрепление в законе приоритета суррогатной матери при установлении происхождения ребенка противоречит провозглашенному в статье 38 Конституции Российской Федерации принципу охраны семьи, материнства и детства.

В связи с изложенным считаю, что жалоба должна была быть рассмотрена Конституционным Судом Российской Федерации и его вывод о том, что оспариваемые нормы не могут расцениваться как нарушающие права и свободы граждан Ч.П. и Ч.Ю., является необоснованным.